

Ричард Цвирлей

СМЕРТЕЛЬНЫЙ УДАР

Перевод с польского
Г. Пальяновой, И. Пальяновой

Наступает время перемен. Польская коммунистическая партия постепенно теряет влияние, в стране все чаще проходят забастовки рабочих, все больше сторонников набирает движение «Солидарность». Служба безопасности стремится контролировать всех граждан, но она уже не всемогуща.

Действие детективного романа «Смертельный удар» происходит на рок-фестивале «Яроцин-88». Жертвой жестокого убийства становится 17-летняя девушка. Милиционерам из Познани предстоит столкнуться с новым для Польши явлением – наркотиками. Пути героев пересекаются неожиданным образом, чтобы в конце концов мозаика сложилась в единое целое.

...

*Рок-фестиваль «Яроцин-88»
Пятница, 5 августа, 1988 г.
9:40*

Вилли лежал на траве и смотрел на безоблачное небо. Было довольно рано, но солнце жарило неимоверно. Несмотря на это, Вилли было лень сдвинуться с места, где он разлегся полчаса назад. Ему нечем было заняться, поэтому перед отъездом он решил немного позагорать.

Он снял свою кожаную куртку и черную футболку с надписью «Republika», небрежно свернул и положил под голову. На то, чтобы снять камуфляжные брюки, перекрашенные в красный, и тяжелые армейские ботинки, ему уже не хватило сил. И вообще, если бы он их снял, то лежал бы сейчас голышом, потому что на нем не было трусов. Последние, как и трое предыдущих, он сунул поглубже в рюкзак. Он злился на себя за то, что не взял еще несколько на смену, так как считал, что здесь их можно будет постирать. Но вскоре выяснилось, что он ошибался, потому что Яроцин и здешнее палаточное поле – это не харцерский лагерь. Речи быть не могло о стирке нижнего белья в таких условиях. Впрочем на такие повседневные дела не было времени. По большому счету на фестивале в Яроцине на все не хватало времени. Несколько дней только музыка, выпивка и девчонки. Все это изрядно изматывало, поэтому такие повседневные дела, как мытье и стирка, следовало отложить на потом. В первый день он даже дотолкался до душа. Он почти час стоял в очереди, но, как оказалось, совершенно напрасно, потому что, когда он уже стоял под душем, вода закончилась. Он вернулся в палатку грязный, к тому же друзья, не дожидаясь его возвращения, выпили все вино, привезенное с собой. Они купили его в Познани, где была пересадка. Два часа ожидания они скоротали в местных магазинах. На Глоговской, недалеко от Лазаревского рынка, они наткнулись на небольшой магазинчик, где, кроме водки по талонам, а талонов у них, конечно, не было, на прилавке стояло вино. Они купили десять бутылок, потому что продавщица продавала только по две бутылки в одни руки. Но она не просила предъявить документы, а с этим у них возникли бы проблемы. Им всем было по семнадцать лет, и они были учащимися средней школы. Они ехали на крупнейший в Польше музыкальный фестиваль и хотели почувствовать себя взрослыми. Сигарет было недостаточно. Нужен был алкоголь. В поезде они опустошили пять бутылок, остальные должны были остаться на вечер. Но вечером Вилли исчез в поисках душа, и друзья позаботились о его доле. Вернувшись, он немного поворчал, но по большому счету не жалел, потому что уже после первой бутылки, выпитой в поезде, ему стало нехорошо. Он никогда раньше не пил чернила, но сейчас не мог отказаться. Он ведь приехал с друзьями, утверждавшими, что они уже через многое прошли. Обряд посвящения для Вилли оказался не из

приятных. Он быстро выпил содержимое бутылки и даже пришел к мысли, что вино не такое уж и плохое. Чего не скажешь о последствиях...

Он едва успел добежать до окна, которое чья-то милосердная рука успела открыть в последнюю минуту, и его стошнило.

Сейчас от одного воспоминания об этом ему становилось нехорошо. Из-за этого вина он сейчас лежал один рядом с палаткой, а его друзья пошли к девчонкам, с которыми познакомилась вчера ночью. У них еще остался большой запас алкоголя, поэтому был повод пойти. Они похвастались, что у них есть чернила, а Вилли почувствовал себя несчастным и отказался идти. Сейчас он немного жалел об этом, потому что Эля, кучерявая брюнетка, в длинной юбке и вязанном свитере, очень ему понравилась. Вчера они разговаривали почти целый час. Но что поделать. Он ведь не пойдет туда, чтобы опозориться, если его опять стошнит после первого же глотка.

Он закрыл глаза, когда солнце начало светить в лицо. У него не было солнечных очков, потому что их украли еще в поезде, и он стал думать, чем прикрыть глаза. Вдруг он почувствовал, что кто-то заслонил солнце. Он открыл глаза. Эля стояла над ним с глупой улыбкой на лице. Вилли поднялся и сел по-турецки. Вчера, когда ее подруги пошли на концерт Т. Love, она осталась с ним. Он не мог решить, пойти ли ему с друзьями, которые выбрали амфитеатр и «Зеленых лягушек», или послушать группу «Мальчишки с улицы Пала» с Лышкевичем. В конце концов, девушка его уговорила, и они пошли по направлению к сцене в момент, когда звучала песня «Ох уж эта Эля». Он даже подумал на мгновение, что это какой-то знак, ведь он пришел на концерт с Элей. Пока он размышлял, Эля потерялась где-то в толпе, и он ее больше не видел этой ночью, хоть искал несколько часов. Отчаявшись, он вернулся под утро в палатку, залез в спальный мешок и лег рядом с Бзиком, с которым делил одноместную палатку.

– Вчера я не смогла тебя найти, ты куда-то пропал, – сказала она, садясь напротив и поправляя локон, упавший ей на лицо.

– Я пропал? Это ты, Эля, потеряла друга, – процитировал он слова песни, которые, как ему казалось, идеально подходили в этой ситуации.
– Я даже не заметил, когда ты исчезла в толпе.

– Ты мог найти меня сегодня, когда твои друзья пришли к нам.

Теперь там весело.

– Знаешь, – он стыдливо посмотрел на свои грязные ботинки, – я хотел прийти, но немного позже. Терпеть не могу чернила, а при парнях я не смог бы отказаться.

– Я тоже не люблю эту гадость, – обрадовалась Эля. – Я подумала, раз ты здесь остался один, я лучше побуду с тобой.

Вилли покраснел. Его смутили ее слова. Эля ему нравилась, но он не представлял, что с ней делать. Его замешательство бросалось в глаза, а Эля, по всей видимости, была смелой девушкой.

– Ты говорил, что играешь на гитаре, вот я и подумала, что ты сыграешь что-нибудь для меня.

– Конечно, – обрадовался Вилли. – Только заберу инструмент у парней из красной палатки, они вчера ее одолжили. – Он указал рукой на большую четырехместную палатку. По всей видимости вчера там была бурная вечеринка, потому что часть палатки обвалилась, а оставшаяся сильно накренилась.

Вилли встал и отряхнул брюки, к которым прилипли стебли травы. Не оглядываясь на Элю, он быстро пошел по вытопанной тысячами ног дороге, пересекающей все палаточное поле.

Он надеялся, что парни будут внутри, или по крайней мере один из них. Снаружи было пусто, не считая горы пол-литровых бутылок из-под пива «Лех», пачек от сигарет и окурков. Приблизившись к палатке, он почувствовал резкий запах мочи.

Что за свиньи, подумал он с отвращением. Как можно мочиться прямо у палатки.

Палатка была застегнута «молнией». Он постучал по алюминиевой трубе, но ответа не последовало.

Спят или никого нет, решил он, постучав еще раз, но безрезультатно. – Заберу гитару и уйду, – громко сказал он, надеясь, что его кто-нибудь услышит.

Он наклонился немного вперед и потянул вверх замок. Красная материя упала по бокам. В нос ударил сильный, неприятный запах.

– Черт, – выругался Вилли, не сдержавшись, – как в таком бардаке найти гитару?

Но у него не было выбора, нужно было попытаться. Ведь там его ждала Эля. Он сделал глубокий вдох и на четвереньках вполз внутрь.

Справа на синем надувном матрасе лежала грязная одежда. Слева был другой коричневый матрас, на котором кто-то лежал. Из-под спального мешка выступала лишь маленькая стопа, упершаяся в грязное пятно на полу. Больше ничего не было видно. Вилли потряс за ногу, надеясь, что спавший сразу проснется. Он удивился, когда никакой реакции не последовало. Он схватил край спального мешка и дернул. Вонь усилилась, но парень не обратил на нее внимания, потому что был потрясен тем, что увидел. Под спальным мешком лежала девушка, совершенно голая, а ее кожа приобрела странный землистый оттенок. Широко открытые глаза были неподвижны, взгляд, казалось, уперся в лицо Вилли.

Он отвел взгляд, посмотрев ниже, на небольшую грудь, потом на живот и ниже...

Он снова посмотрел ей в лицо и заметил то, на что не обратил внимания раньше. Он придвинулся ближе и отслонил голову девушки. Теперь он все увидел. Волосы слиплись от крови, а висок был вдавлен. Когда он присмотрелся внимательнее, то увидел отверстие, сквозь которое виднелось что-то скользкое и красное...

Выглядит, как банка со щецинским паприкашем, успел он подумать.

– Вилли, что ты там делаешь? – спросила снаружи Эля, которая его не дождалась и пошла за ним к красной палатке.

Но Вилли этого уже не слышал, ему стало плохо, и он упал без сознания на грязный пол.

...

12:10

– Что ты нам сегодня споешь? – спросил капитан Фабиан Галась, высыпав на стол содержимое мешка задержанного. Мешок напоминал флотские, которые выдавали морякам, служившим в военно-морском флоте. Однако этот был дешевой имитацией военного снаряжения, сделанной из обычного льняного полотна, покрашенного в синий цвет. Из него выпала пачка листовок и книги. Чекист с триумфом в глазах посмотрел на владельца мешка, сидевшего у стены на металлическом стуле. Парню было лет двадцать. Светлые как лен волосы спадали на

плечи. На нем был черный свитер, черные джинсы и велюровые серые ботинки. Казалось, его совсем не интересует то, что чекист делает с его мешком. Он уставился в покрашенную масляной краской стену, на которой кто-то повесил красивую белую тарелку с орлом без короны и надписью: «На службе народа, Гражданская милиция и Служба безопасности 1944–1984».

Чекист посмотрел на парня, подошел к нему и неожиданно ударил кулаком в лицо. Удар был настолько сильным, что парень упал на пол вместе со стулом. Галась спокойно вернулся на свое место за столом. Он наклонился над пачкой листовок и взял в руки толстую книгу.

– Что у нас здесь? – заговорил сам с собой офицер, краем глаза наблюдая за неуклюжей попыткой парня подняться с пола. Тот поднял стул, сел на него, а потом ладонью вытер струйку крови, стекавшую из уголка рта.

– «Война в эфире», автор Ян Новак, в скобках Здислав Езеранский, издано Свободным издательством «Комитива», в 1987 году где-то в Польше – говорил чекист, бросая взгляд то на книгу, то на парня. – Так у нас здесь новинка, еще пахнет типографской краской. Интересно, что это за птица, этот Новак, который пишет о... вот именно, о Радио Лондон... и о Свободной Европе. А это что? – он положил на стол «Войну в эфире» и взял в руки небольшую брошюру с названием «КНП – избранные документы». – Так ты из Конфедерации независимой Польши. Прекрасно.

Офицер уселся в кресло и начал листать брошюру. Спустя минуту он остановился и начал читать:

«Сегодня польский народ вновь пробуждается и поднимается с колен. Наступает новая эра нашей истории. От нас, прежде всего, от нас самих, зависит, когда Польша станет независимой, а польский народ сам сможет решать свою судьбу»...

Он закрыл брошюру и бросил на стол. Это резкое движение, по-видимому, напугало парня, потому что он отшатнулся, как будто хотел защититься от очередного удара, но чекист не собирался его сейчас бить. Он лишь улыбнулся, увидев реакцию задержанного, уселся в кресло поудобнее, скрестив руки на животе.

– Так ты, гнида, считаешь, что Польша, наша родина, не является независимой? Вы хотите свергнуть социалистический строй и построить

Третью Республику Польша? Это значит, что мы все, государственные служащие, не служим свободной Польше? Когда меня принимали в органы, я присягал своей стране, которая является независимой. Может, я другой стране присягал? Скажи, говнюк. Я независимой Польше присягал или нет?

Галась был уверен, что со стороны парня не последует никакой реакции. Но тот повернул голову в сторону чекиста, смело посмотрел ему в глаза и твердо сказал:

– Не Польше, а советским оккупантам, которые держат свои войска в Польше. Это они здесь командуют, им вы и присягаете на верность...

Галась криво усмехнулся и внимательнее присмотрелся к наглецу.

– Как тебя зовут?

– Камиль Сова, – ответил тот, поправляя длинную челку, упавшую на глаз.

– Ты учишься или работаешь?

– Учусь на факультете социологии в Познанском университете. Я на последнем курсе.

– И ты можешь учиться бесплатно?

– Могу...

– И можешь пойти в кино, когда хочешь, или поехать на каникулы, или выпить пива, когда хочется?

– Конечно.

– И тебе не запрещают оккупационные войска?

– Нет.

– Так какая это оккупация?

– Не в этом дело.

– А в чем? Пиздишь про оккупацию, про отсутствие свободы, а кто несвободен в этой стране? Тебе не хватает свободы? Кто запретил тебе сюда приехать? Социалистическая родина дала тебе возможности, ты можешь учиться, получить работу, когда окончишь университет, можешь получить жилье и даже талон на машину. Можешь купить цветной телевизор...

Камиль посмотрел на чекиста с легкой иронией. Конечно, все это можно купить или скорее добыть, если есть знакомства, а в очереди на жилье или автомобиль можно стоять десять лет...

– Я знаю, что ты думаешь. – Галась понял, что немного увлекся. Насчет покупок он погорячился, но ход его мыслей был правильным. Он встал из-за стола и повернулся к зарешеченному окну. Открыл форточку, и внутрь хлынул поток теплого воздуха. Жара снаружи была невыносимой. Здесь, в здании городского комиссариата в Яроцине, от жары защищали толстые кирпичные стены. Однако сотрудник не обратил внимания на тепло, проникшее внутрь. Он посмотрел на парня сверху вниз, а потом, собравшись с мыслями, начал снова агитировать:

– Предприятия, которые дают работу всем желающим, решенная проблема безработицы, потому что у всех есть работа, а значит у всех есть хлеб и что-то к хлебу, отдых на море или в горах, и даже в Болгарии на Черном море, бесплатная медицина, бесплатное образование, полная ликвидация безграмотности... И это все дали этой стране оккупанты? Я знаю, что еще многое предстоит сделать, что существуют временные трудности с некоторыми товарами, но нам ведь приходится сражаться с мировым империализмом, сражаться за мир, а это требует расходов на армию, на вооружение, на обучение солдат. Борьба за мирную жизнь стоит денег, средства нужно направлять в первую очередь на эти цели... Но правда в том, что людям живется все лучше, несмотря на временные трудности. А в будущем, когда принесет результаты наша экономическая реформа, у всех откроются глаза. Через десять лет это будет совсем другая страна, потому что мы движемся в правильном направлении. И вам этого не испортить, отморозкам вроде тебя.

Утомившийся речью Галась опустил в кресло, неохотно посмотрел на парня в поисках проблеска понимания на его лице.

– И что? – спросил он. – Ты по-прежнему ничего не понимаешь?

– Я все понимаю.

– Да?

– Я понимаю, что ваш мир, который вы так рьяно защищаете, долго не протянет.

– Что? – Галась не мог поверить свои ушам.

– Вы хвастаетесь тем, что доступно во всем мире: медицина, образование, промышленность... Поезжайте в ФРГ. У них все есть, и на каком уровне. Достаточно пойти в магазин, чтобы увидеть прилавки, забитые товарами, и все у них в порядке, на гниющем Западе, и

машины красивые.

– Потому что им помогает Америка...

– Так пусть и нам помогает. Зачем нам помощь Советского Союза, если все сводится к борьбе за мирное небо над головой, пустым магазинам и рваным штанам. У меня всего одна жизнь, и я хочу жить хорошо, хочу дом, машину и не хочу стоять в очередях за колбасой...

– Это материалистический подход к жизни, идеи важнее. То, что ты можешь сделать для всеобщего блага, для других.

– Для других я хочу, чтобы было право выбора, свободного выбора. Хочу, чтобы каждый сам мог решать, как он хочет жить, а не чтобы какие-то идеи решали вместо него. В жопу идеи.

– Я так понимаю, что ты хочешь свергнуть наш социалистический строй и ввести капитализм, – начал выходить из себя офицер, потому что разговор менял направление. Этот кретин был типичным представителем мира потребления, неспособным на жертвы во имя высших ценностей.

– Мне все равно, как этот строй называется, коммунизм или капитализм, хоть феодализм. Я хочу нормальности и поэтому разношу эти листовки, потому что люди, которые это пишут, хотят того же, что и я. Они хотят, чтобы в этой стране можно было нормально жить.

– И вы хотите влезть в головы молодежи, приехавшей на фестиваль, потому что это благодатная почва для экстремистов.

– Вы ничего не понимаете. Благодатная почва – это вся страна, которую вы уже задолбали. Вы сами подготовили поле, на котором прорастают новые идеи. Молодежь уже подрастает, она разнесет вас в клочья. Они уже кричат, они уже играют для вас похоронный марш на своих гитарах. Вы этого не заметили, но это не какая-то безымянная, безвольная масса, которой нужно дать пошуметь, чтобы потом их контролировать. Это думающие молодые люди, которые плевать хотели на ваш социализм. Они хотят хорошо и достойно жить. Но вы не в состоянии им это дать. Вы слышите барабаны? Это сигнал: вам-ско-ро-ко-нец, вам-ско-ро-ко...

Этого Галась не мог стерпеть. Он сорвался с места, схватил парня за длинные волосы и со всей силы ударил головой о стол. Когда он услышал хруст носовой кости, отпустил его. Задержанный снова упал на пол, а Галась с отвращением посмотрел на пятно крови, залившей

экстремистские листовки. Он подошел к умывальнику у входной двери и начал мыть руки. Вода и мыло, это всегда его успокаивало. Часто в самые напряженные моменты он шел в ванную комнату, чтобы сунуть руки под холодную воду. Тогда приходило спокойствие. Сейчас тоже, когда он открыл кран и почувствовал холод, растекающийся по рукам, он быстро успокоился. Он оглянулся на лежавшего на полу парня. Он не двигался, но это Галася не беспокоило. Он знал, что ничего серьезного не могло случиться. Обычный удар в нос. От такого еще никто не умер, но многих это приструнило. Он надеялся, что этот засранец дважды подумает, прежде чем возьмет листовки в руки, чтобы распространять их среди молодежи.

Галась не мог понять, откуда в подростках берется такое упорство. Взять хотя бы этого. Его задержали сегодня утром на палаточном поле. У него был целый мешок литературы, которую он собирался раздать. Несмотря на то, что сюда приехали люди, интересовавшиеся музыкой, они охотно брали книги. Именно поэтому группу из десяти сотрудников Службы безопасности из соседних комиссариатов прислали сюда, в Яроцин. Его начальники в Познани, объясняя, в чем состоит суть задания, сказали, что в этом году на фестивале ожидается повышенная активность экстремистов. У них была оперативная информация, что приедут деятели подпольной «Солидарности», Конфедерации независимой Польши и движения «Свобода и мир». Нужно постараться задержать всех и конфисковать литературу, чтобы политика не мешала молодежи развлекаться. Молодым нужно веселиться, а не думать о всякой ерунде. Галась и его люди делали все, чтобы вычислить экстремистов. Им удалось добиться успеха. В последний день они задержали одного. Но на самом деле это было прикрытие для его настоящего задания. Задания по-настоящему важного и можно сказать исключительного, на выполнение которого он уже не мог повлиять, но он был уверен, что все должно получиться. В конце концов он сам придумал эту операцию.

Лучше синица в руках, чем журавль в небе, подумал капитан Фабиан Галась, усевшись за стол с книгой Яна Новака в руке. Пока задержанный не очнулся, ознакомлюсь, что эти деятели пишут...

...

18:46

Витя Залевский стоял, опершись о милицейскую машину, припаркованную у входа в амфитеатр. Проходившие мимо него молодые люди, спешившие на концерт, бросали в его адрес колкие замечания о том, что не стоит опираться о мусоровозку. Они думали, что небрежно одетый парень – один из них, поклонник рок-музыки, решивший пошутить над властями, опираясь о служебную машину. Все знали, что над властями лучше не шутить, потому что можно получить дубинкой по спине или загреметь на 48 часов за решетку. Тем более странно было видеть, что внутри сидит милиционер в форме, которому несколько не мешал тот факт, что о его машину опирается какой-то лоботряс.

На самом деле он здесь стоял в служебных целях. Залевский стоял спиной к машине, скрестив руки на груди. В левой руке он держал фотографию из билета учащегося. Он не отвечал на шутки любителей музыки, он вообще на них не смотрел. Он внимательно разглядывал проходивших мимо него девушек. На противоположной стороне стоял другой курсант из группы Блашковского, с такой же фотографией в руке. Они здесь были уже два часа, однако удача до сих пор им не улыбнулась. У них было непростое задание. Фотография, которую им дали, была сделана, когда владельцу билета было 15 лет. Сейчас вместо пухленького ребенка им нужно было найти повзрослевшую 17-летнюю девушку. Нужно было сосредоточиться на чертах лица, форме губ, разрезе глаз, то есть на сравнительном анализе, который требует тишины и спокойствия. Здесь они не могли рассчитывать на хорошие условия. Лица, в которые вглядывались милиционеры, быстро мелькали и сразу растворялись в толпе. Можно было надеяться лишь на удачу.

Сначала Залевский увидел красное платье, потом длинные волосы с красной повязкой.

Везет некоторым, подумал он, посмотрев на худощавого высокого парня, которого девушка держала за руку. Он посмотрел на нее еще раз, и лицо показалось ему знакомым. Он смотрел на нее, пока она не прошла мимо него.

– Черт, это она.

Он быстро преодолел пять метров, которые их разделяли, и преградил ей путь. Его коллега, увидев, что Залевский побежал за какой-то девушкой, мгновенно оказался рядом с ними. Ее парень, думая, что начинается заварушка, отпустил ее руку и отступил на шаг назад, оставив Касю одну.

– Ты Катажина Матеевская? – спросил Залевский.

– Да, это я, а что? – огрызнулась девушка, а потом оглянулась назад, как будто искала помощи у своего парня, стоявшего в метре от нее.

– Мы из милиции. Прошу пройти с нами в машину. Это займет всего минуту. – Сказав это, он вынул из кармана брюк черное служебное удостоверение.

– Ты не задержана, мы только хотим кое-что выяснить.

– Что выяснить? – не сдавалась она.

Вокруг собралась небольшая группа людей, которые стали прислушиваться к их разговору.

– Где твой билет учащегося? – спросил второй курсант.

– У меня его нет, подруга его забрала...

– Он у нас, – сказал Залевский. – Мы его тебе вернем.

Девушка наконец перестала сопротивляться. Она повернулась. Она хотела сказать Яреку, чтобы он подождал ее, что она скоро вернется. Но среди людей, стоявших сзади, его не было. Он исчез. Она осмотрелась вокруг, но его нигде не было видно. Она заметила парня в свитере и джинсах, с рюкзаком на плечах. Их взгляды встретились, и он закричал:

– Отстаньте от нее! Она ничего не сделала!

Залевский оглянулся, но ничего не сделал. Это была ошибка, ему следовало подойти к нему и попытаться успокоить. Однако он взял девушку за руку и повел к милицейской машине.

Еще год или два назад это невозможно было себе представить. Кто стал бы оказывать сопротивление милиции, разве что какой-нибудь сумасшедший, или Джон Рембо. Однако этот парень не был похож на Сильвестра Сталлоне, не было в его глазах и сумасшедшего блеска. Но в нем была решительность человека, равнодушного к чужой беде.

– Отстаньте от нее! – крикнул еще громче парень. Толпа, до этого

проплывавшая мимо, вдруг начала собираться на одном месте. К группе наблюдателей стали присоединяться другие. Вскоре за спиной милиционеров собралось пятьдесят человек, готовых напасть.

– Люди, они забирают ее ни за что, а потом сделают с ней то, же что с Пшемеком, – орал парень в свитере.

– Парни, вперед! Не будут нами мусора командовать! – крикнул брюнет с длинной бородой, который тоже остановился, увидев происходящее.

– Человека убивают! – выкрикнул кто-то из-за спины. Толпа разрасталась с каждой минутой. Хуже всего, что и те, что ушли вперед, стали возвращаться, отрезав путь к отступлению. Залевский быстро оценил, что у них нет шансов пробиться, если он сейчас ничего не придумает. Его коллега, который шел впереди, остановился и беспомощно оглядывался вокруг. По-видимому, и он понял, что им никак не пробиться к машине. Людей вокруг становилось все больше, и они были решительно настроены.

– Вон отсюда, сволочи! Валите к русским! В Сибирь! На хуй коммунистов! – Отовсюду слышались лозунги, известные всем по уличным демонстрациям.

– Дарек, пробивайся влево, – крикнул коллеге Залевский, заметив брешь в толпе. До машины было метров пятьдесят. Если по левому краю, их путь будет в два раза длиннее, но стоит попробовать. Он крепко схватил девушку за руку и повел ее за собой. К счастью, она не сопротивлялась, напуганная тем, что происходит вокруг.

Первый милиционер пошел сквозь толпу, расталкивая всех локтями. Тогда вперед бросились наиболее агрессивные, оставшиеся за спиной.

– Бейте их!

В этот момент раздался громкий вой сирены, установленной на крыше «Нисы». Водитель включил фары и двинулся вперед, разгоняя людей, бросившихся врассыпную, чтобы не попасть под колеса. Этого было достаточно, чтобы добежать до машины. Первым внутрь запрыгнул Залевский, а Дарек передал ему девушку, подняв ее на руках как перышко. Потом сам запрыгнул в машину и захлопнул дверь. Нападавшие пытались пробиться внутрь, но не могли открыть машину снаружи, когда замок был заблокирован изнутри. Окна «Нисы» были

зарешеченными, поэтому они не боялись что кто-то их разобьет. Машина медленно двигалась вперед, провожаемая яростными ударами.

– Ну что, салаги, еще немного и из вас сделали бы отбивные. – Сержант Коваль рассмеялся, показывая зубы.

– Спасибо, – поблагодарил Залевский. – Если бы не вы, у нас не было бы шансов. Они просто с ума сошли. Хотели убить нас голыми руками...

– Это не тебя они хотели убить, – сказал водитель, глядя на толпу. – Они хотят убить коммунизм. И кто знает, может, у них это когда-нибудь получится...

...

г. Познань

Суббота, 6 августа

4:12

Владик Мровинский неожиданно почувствовал, что его правая нога стала теплой. Приятное чувство разлилось теплой струйкой по штанине до колена. Он открыл один глаз, но не увидел ничего, кроме светлеющего неба. Он удивился, что видит небо. Обычно, проснувшись утром, он видел потолок своей комнаты в доме на Пулвейской. Откуда это чертово небо? – задумался он, но ничего не приходило в голову. Он понятия не имел, что с ним происходит. Еще больше его удивила вонь, окружавшая его со всех сторон. Воняло разлагающейся пищей, грязной тряпкой и кошачьей мочой. Он решил осмотреться. Владик поднял голову и сразу упал обратно, ударившись о что-то твердое, наверное, бетон, догадался он. Он почувствовал и другую боль, тупую и сильную, где-то глубоко в мозгу. Эта боль была ему хорошо знакома, потому что много лет сопровождала его пробуждение. Она была связана с избытком впечатлений за предыдущий день и слишком большого количества выпитого денатурата. Неважно, что пропущенного через буханку хлеба. Несмотря на все старания, это был денатурат, а не нормальные чернила. Сколько раз он обещал себе, что на чернилах все закончится. После них нет такого тяжелого похмелья, и голова не

раскалывается на части. Но это были всего лишь обещания. Обычно он начинал утреннее угощение у магазина с чернилами в руках, а заканчивал день с денатуратом, потому что больше ни на что не хватало денег, а выпить хотелось. Он вспомнил, что ближе к полуночи пошел к старухе Гвиздал на Пулвейской, снабжавшей всех нуждающихся товарами первой необходимости. У нее было все, начиная с водки, дешевого вина и пива, и заканчивая денатуратом для отчаявшихся. Он купил бутылку, выгребая из кармана порванной куртки все деньги. Он заплатил 250 злотых, столько стоили туристические консервы в магазине, намного меньше, чем стоила бутылка столовой водки, которая в вино-водочном магазине стоила 1800, а на черном рынке – 2500.

Деньги он собирал целый день, приставая к прохожим на Пулвейской и выпрашивая мелочь на еду. Вечером он уже знал, что собранных купюр ему хватит на синюю жидкость. Он помнил, что выпил один стакан, а потом уже ничего не помнил.

Тепло, разлившееся по ноге, постепенно становилось холодным, поэтому он решил подняться и проверить, что это. Он резко дернулся и чуть не потерял сознание от боли. Собака, большая рыжая дворняга, быстро отскочила и скрылась за углом.

– Чтоб тебя! – крикнул вслед Владик, но не очень громко, потому что у него не было сил, и голос был какой-то хриплый и искаженный. Он понял, несмотря на затуманенный разум, откуда взялось тепло. Это чертова собака наделала на него...

Он с трудом сел и огляделся вокруг. Справа от него стоял ровный ряд четырех оцинкованных урн для мусора. Его окружала кирпичная стена. Он сидел посреди помойки. Он посмотрел внимательнее и понял, что это его помойка, во дворе дома, в котором он жил. Он узнал характерное выщербленное кирпичное ограждение и вонючие грязные урны, из которых часто выгребал пустые бутылки и остатки еды. Узнал он и собаку, выглядывающую сейчас из-за угла. Ее хозяйкой была Новак, соседка с четвертого этажа, у которой не было одной ноги, и она уже несколько лет не выходила на улицу, а собаку выпускала утром, чтобы она немного побегала. Владик огляделся вокруг в поисках камня, который он мог бы бросить в собаку. Он не нашел камня, но рядом лежал какой-то молоток. Недолго думая, он схватил его и со всей силы

метнул в собаку. Она была быстрее и успела спрятаться, а молоток с грохотом упал на бетон.

Наклонившись для броска, краем глаза он заметил что-то странное за мусорными урнами. Что-то похожее на ногу в обуви. Но с этого расстояния он не мог увидеть ничего больше. Едва рассвело, а то, что казалось человеческой ногой, находилось в самом темном углу, куда даже в полдень не попадали солнечные лучи. Заинтригованный Владик встал на колени и медленно подполз к ноге. Он удивился, потому что это действительно была нога в хорошей фирменной обуви. И вельветовых брюках. Вторая нога была неестественно вывернута. Дальше была вельветовая куртка, неподвижные руки и голова, а точнее полголовы, потому что одна половина выглядела, как спущенный мяч.

– Мужик, – запричитал Владик, – как это тебя угораздило?

Забыв о похмелье и головной боли, он быстро вскочил на ноги. Он огляделся вокруг, но не увидел ничего опасного. Во дворе никого не было, даже рыжей собаки пани Новак. Он быстро принял решение. Нужно что-то делать с покойником. Потому что в том, что он обнаружил труп, он был уверен, никто не мог бы выжить с такой дырой в голове.

Спустя пять минут тяжелого труда на помойке осталось лежать совершенно голое тело с пробитой головой. Фирменная одежда и Владик бесследно исчезли. Зато прибежала собака пани Новак, соседки с четвертого этажа.

...

10:15

Кароль сначала посмотрел на дуло автомата, которое Влад наставил на него. С этим лучше не связываться. Он понимал, что его единственный шанс – это Ричи. Он посмотрел на него умоляюще и всхлипнул, надеясь вызвать жалость к себе.

– Господи, я ведь ничего не знаю, клянусь. Ничего. Как я могу быть связан с нападением? Я продаю велосипеды и ни во что не вмешиваюсь.

– Ты оскорбляешь мои умственные способности, – сказал Ричи ледяным тоном.

Влад, услышав эти слова, перезарядил автомат.

Резкий металлический звук заставил Кароля сжаться, а из глаз полились слезы. Он хотел рассказать все, что знал, но что-то не то сказал. Он понял, что у него остался последний шанс, а Ричи, как оказалось, не любит неточных ответов на свои вопросы.

– Ричи, поверь мне. Но я догадываюсь, о чем идет речь. Я все скажу.

Легкий ветерок пробежал по верхушкам деревьев. Дятел подлетел ближе, потому что стук слышался почти над их головами. Ричи с любопытством посмотрел вверх. Он заметил красное пятно на голове птицы.

– Мой племянник по материнской линии, которого зовут Весек Домагала, пришел ко мне на прошлой неделе. Кажется, в воскресенье. Мы пошли выпить пива на Вроцлавскую, потому что это недалеко от моего дома. Я на Машталерской живу. А он живет на Рыбаках. К Дуде на Стрелецкой тоже недалеко, но там не было пива, и мы пошли на Вроцлавскую, потому что там продают пиво в бутылках, если нет разливного.

– Не рассказывай мне о пиве. Ближе к делу, – прервал его Ричи.

– Я по делу. Мы пошли выпить пива, и тогда этот недоумок сделал мне предложение. Речи не было о нападении. Он меня спросил, хочу ли я заработать сто баксов. Я ответил, что хочу, кто бы отказался. Он мне сказал, что я могу заработать сотню за час. Нужно только договориться о встрече с Тунё в определенное время и поговорить с ним подольше, чтобы он позже ушел из ресторана. Я тогда спросил его, какой в этом смысл, то есть в чем подвох. А Домагала сказал, что нет никакого подвоха. Я поговорю с Тунё и в тот же день получу деньги.

– И это не показалось тебе подозрительным? – спросил Ричи.

– Он мне сказал, что хочет купить рядом с «Певексом» большую сумму у одного валютчика и не хочет, чтобы об этом узнал Тунё, потому что этот человек хочет ему продать доллары дешевле, по государственному курсу, а Тунё не согласился бы на такой курс, у него другие указания на этот счет.

– Он продал бы доллары по цене ниже цены покупки? – удивился Ричи.

Он нахмурил брови, покачал головой, посмотрел на Влада, а

потом громко рассмеялся. Влад тоже рассмеялся, потрясая автоматом. Кароль растерянно смотрел на них, ничего не понимая.

– Ты слышал, Влад, что он сказал? Это самое тупое объяснение из всех возможных. Он хорошо притворяется или он на самом деле debil.

Я debil, подумал Кароль.

– Какая разница, Ричи, грохнем его, – предложил Влад.

– Подожди, Влад! – остановил его Ричи. Он посмотрел на Кароля, нахмутив брови.

– Где живет Домагала?

– Рыбаки, 14, квартира 7.

– Точно?

– Могу поклясться.

Грубинский посмотрел на Влада и кивнул головой.

Тот быстро подошел к краю ямы и ударил Кароля ногой в лицо. Тот потерял равновесие и упал на землю.

Кароль услышал, как Влад перезаряжает автомат. Ему был хорошо знаком этот звук, потому что он два года служил в Валче. В этой части, которую солдаты называли цирком из-за постоянной боевой готовности, случалось, что ему приходилось много раз за день заряжать и разряжать свой калаш. Этот ужасный звук не раз снился ему по ночам. Сейчас он провожал его в последний путь. Он подумал, что мог бы сказать этому идиоту с автоматом в руках, как стрелять одиночными, потому что ему не очень-то хотелось выглядеть как тот пьяный парень из его роты, выползший на стрельбище во время учений. Серия, выпущенная из Калашникова, почти перерезала его пополам, выпустив наружу все внутренности. Но Кароль решил, что это ничего не изменит, какая разница, в каком виде он попадет в ад.

Он успел подумать о том, что на следующий день он должен был забрать в магазине пять новых складных велосипедов «Сокол» из «Ромета» в Быдгоще...

Прогремел выстрел, а потом наступила тишина. Даже дятел перестал стучать по дереву.

Выстрелил одиночным, подумал Кароль, и сразу почувствовал, что нервы не выдержали.

Минуту он лежал неподвижно, привыкая к сложившейся ситуации. И вдруг как гром с ясного неба до него дошло. Если я наложил в штаны,

значит, я живой! Этот придурок промазал. Нужно лежать и притворяться мертвым, может, он не выстрелит во второй раз.

Действительно никто не выстрелил. Но он испугался, не закопают ли его живьем. Он задумался, что лучше: пуля и мгновенная смерть или хотя бы призрачная возможность выбраться из могилы. Вскоре он услышал звук двигателя. Автомобиль медленно покатился, и вскоре наступила тишина, прерываемая лишь размеренным стуком, потому что дятел вновь принялся за работу.

...

г. Познань

Понедельник, 8 августа

8:00

В конференц-зале сидели почти все члены следственной группы, которых на утреннее совещание вызвал майор Мартинковский.

Мариуш Блашковский и Витя Залевский остановились в дверном проеме, разглядывая зал. Майор указал на свободные стулья с краю. Сегодня утром они прибыли в комиссариат в семь. Они пришли раньше на всякий случай, хоть Мариуш знал, что в это время никого еще не будет. Когда он работал в Познани, он тоже приходил на работу примерно в это время, а первый из офицеров приходил только в восемь. Это время он использовал, чтобы просмотреть материалы дела, над которым работала группа, и входящую корреспонденцию. Раньше никто этого не делал, и в бумагах царил неразбериха. Войдя сейчас в кабинет, где он работал, он сразу заметил, что Бродяк и Олькевич вернулись к прежним привычкам. Олькевич ненавидел, когда бумаги лежали на столе, поэтому он складывал их стопками на полках в шкафу, а Бродяк с присущим ему разгильдяйством собирал все бумаги на своем столе. Разница была в том, что Бродяк читал адресованные ему письма, а Олькевич даже не вскрывал конверты. Это открытие несколько его не удивило, однако он удивился, увидев за столом Олькевича, который что-то писал на листе бумаги.

Оказалось, у Теофиля проблема. Вчера он узнал от Мартинковского, что коллеги из Службы безопасности, а в первую

очередь некий капитан Галась, требуют от него рапорт о каком-то происшествии, имевшем место в Яроцине. Мариуш не знал, о чем идет речь, а Олькевич не хотел рассказывать. Он сказал двоим курсантам проваливать и не мешать ему. Они пошли в буфет, а там неожиданно наткнулись на Мартинковского и Бродяка. Они сказали им позавтракать и в восемь прийти в конференц-зал. Они пришли точно в назначенное время.

Мариуш участвовал уже в нескольких оперативных совещаниях, но не помнил, чтобы обстановка на них была такой гнетущей.

Майор сидел во главе стола, накрытого зеленым сукном, слева от него, как всегда, развалился старший лейтенант Бродяк. Напротив сидел капитан Михал Лещинский, по привычке не обращавший внимания на происходящее вокруг, углубленный в чтение «Жизни Варшавы». Обычно Бродяк наперегонки с Олькевичем делали замечания капитану, уроженцу Варшавы, который, несмотря на двадцать лет службы в Познани, так и не переключился на местную великопольскую прессу. Если для Бродяка это был повод для шуток, то для Олькевича чтение варшавской газеты было провокацией и откровенной издевкой над чувствами местного патриота, каким он себя считал. На этот раз старший лейтенант Бродяк молчал. Он курил сигарету и был погружен в собственные мысли. Место Теося, слева от него, пустовало. В группе был еще старший лейтенант Веслав Адамский, неприметный, слегка поседевший 50-летний мужчина в очках в толстой оправе, которого Бродяк называл главным бухгалтером из-за дотошности и любви к порядку в бумагах, а также огромный сержант Гжегож Коваль и лейтенант Альбин Худецкий. Теофиль Олькевич говорил о нем, что это прыщ на заднице всего коллектива. Он присоединился к ним сразу после окончания вуза. При первой же встрече он произвел на Мартинковского впечатление напантованного засранца, не имеющего понятия о работе, но при этом уверенного, что он все лучше знает. Такой подход не мог понравиться опытным сотрудникам. Неудивительно, что он всех настроил против себя и воспринимался метеоритом, который скоро исчезнет из их поля зрения. Однако время шло, а Альбин продолжал умничать, нервируя коллег. Все из-за того, что лейтенант, несмотря на скверный характер, оказался полезным. С тех пор, как он пришел в их отдел, больше не было споров, кому выполнять

самую скучную и рутинную работу. Когда нужно было опросить всех сапожников в Познани, это задание Мартинковский сразу поручил Худецкому. Лейтенант, напевая под нос, принимался за работу, и стоит признать, что поручения он выполнял дотошно.

– Касторку я тоже не люблю, но иногда приходится пользоваться, – сказал однажды Теось Олькевич, обожавший издеваться над Худецким, придумывая для него новые поручения. Сегодня Худецкий, единственный из всех присутствующих одетый в милицейскую форму, сидел на стуле, сложив руки на животе. Под темными ровно постриженными усами а-ля Кларк Гейбл читалась едва заметная усмешка. Сегодня лейтенант был в хорошем настроении, потому что у его мучителя были серьезные проблемы.

– Садитесь, коллеги, – сказал майор Мартинковский, увидев курсантов.

Они заняли места с краю, рядом с Худецким, который на них даже не взглянул. Для него они не были милиционерами, а только салагами, перспективы которых вовсе не были очевидными. Лейтенант знал Блашковского и как мог отравлял ему жизнь. Мариуш ничего не мог с этим поделать, ведь тот был старшим по званию. Он решил, что все стерпит и ответит этому типу, когда вернется с офицерскими погонами.

Мариуш огляделся вокруг, внимательно вглядываясь в лица присутствующих. Было заметно, что они чего-то с беспокойством ожидают. Он догадался, что это касается Олькевича. Без него совещание не могло начаться, а он был со своим рапортом у самого полковника Жито. Полковник был порядочным человеком и с его стороны Теофилю нечего было опасаться, однако было очевидно, что что-то не так, если коллеги были такими поникшими.

– У вас всегда так весело? – спросил Залевский шепотом, наклонившись к Мариушу.

– Что-то назревает, наверное, с участием Теофиля, он писал рапорт. Кажется, он во что-то вляпался. Но подробностей я не знаю.

– Он набил морду чекисту.

– Что? Ты откуда знаешь?

– Ты не знал? В комиссариате в Яроцине все это обсуждали. При свидетелях он так ему врезал, что тот упал на тротуар.

– Тогда понятно...

– Еще немного, коллеги, – сказал им майор Мартинковский, принявший их шепот за признак нетерпения. – Мы ждем Теофиля, который пошел кое-что объяснить полковнику. Он скоро должен прийти, и тогда мы начнем.

Спустя минуту дверь распахнулась, но вместо Олькевича, которого все ожидали увидеть, за ней стоял красный как рак полковник Жито. Воцарилась мертвая тишина. Жито подошел к столу, оперся о него кулаками, потом выпрямился и заложил руки за спину. Было заметно, что он не знает, с чего начать. Все молчали, было слышно, как тикают часы, висевшие на стене рядом с декоративной тарелкой с польским орлом без короны и надписью «Гражданская милиция. 30 лет на службе народа».

Полковник вынул из кармана кителя клетчатый платок и вытер вспотевший лоб, поправил очки, ссунувшиеся на кончик носа, а потом, откашлявшись, сказал:

– Коллеги, я вынужден доложить, что наш товарищ Теофиль Олькевич, по мнению Службы безопасности, вовсе нам не товарищ, а вражеский и опасный элемент. Так мне представили ситуацию коллеги из Службы безопасности, сообщив, что Теофиль избил сотрудника Службы безопасности Галаса Фабиана во время исполнения служебных обязанностей, т.е. на работе. Ко мне поступила официальная жалоба Службы безопасности и рапорт Галаса о случившемся...

Он замолчал, чтобы налить себе минеральной воды из бутылки. Он наполнил стакан, выпил, после чего вытер губы своим стильным платком.

– В данной ситуации я вынужден рассмотреть официальное письмо и дать ответ в течение двух недель, потому что коллеги из Службы безопасности требуют немедленно уволить Теофиля. Однако положенный срок рассмотрения жалобы – две недели. Я их использую, чтобы детально во всем разобраться. Я должен им ответить, какое я принял решение, а я решил, что могу отстранить сотрудника только после завершения расследования, в котором он участвует и обладает важной оперативной информацией. Поэтому я не увольняю Олькевича и не отстраняю, а отдаю в ваше распоряжение, а дальше будет видно.

И еще добавлю, что если Теофиль добьется успехов в расследовании, мне будет сложнее его уволить...

Закончив речь, он тяжело опустился на стул рядом с Мартинковским и громко засопел.

Атмосфера в конференц-зале стала еще более удручающей.

В конце концов майор прервал молчание.

– Товарищ полковник. Как отреагировал Олькевич? Он признался?

– Он не только признался, но и добавил, что если встретит Галася на улице, набьет ему морду еще раз.

– Он сказал, из-за чего все произошло?

– Сказал, что Галась хотел его завербовать, чтобы он докладывал обо всем, что происходит в отделе.

– Вот мудак! – ругнулся Бродяк. – Я бы его убил, если бы он ко мне подкатил с таким текстом. Неудивительно, что Теось не выдержал.

– Я тоже не удивлен, но что мне делать, когда полковник Ворона насаждает, чтобы Олькевича уволили. Постарайтесь, чтобы Теофиль в ближайшее время отличился, тогда у меня будут аргументы в его защиту.

– Благодарю от имени всего коллектива, товарищ полковник, – сказал Мартинковский.

– Не за что меня благодарить. Поймай убийцу как можно скорее, чтобы я мог их заткнуть. А ты, курсант, – он посмотрел на Блашковского, – беги в кабинет за Олькевичем, пусть идет сюда, он там думает, что чекисты похоронили его заживо. В присутствии полковника Вороны мне пришлось его отчитать. Я его выгнал и сказал ждать решения в своем кабинете.

Мариуш сорвался с места и побежал вверх. Не прошло и двух минут, как в зале появились оба. У Теофиля было такое выражение лица, как будто он проглотил таракана. Он встал перед полковником, но не посмотрел на него. Он рассматривал свои изношенные черные ботинки.

– Послушай меня, Теофиль. Я допускаю тебя к расследованию, и во время этого расследования ты должен показать себя с лучшей стороны. Если сможешь отличиться, я как-нибудь справлюсь с кашей, которую ты заварил.

– Так точно, товарищ полковник!

Жито поднялся со стула и обратился к Мартинковскому:

– Ну что ж, майор. За работу, за работу.

Он направился к двери. Проходя мимо Олькевича, он задержался, посмотрел ему в глаза и наклонившись шепнул, чтобы никто не услышал: «В следующий раз, когда захочешь набить морду чекисту, постарайся, чтобы этого никто не видел».

– Так точно, товарищ полковник. Я обязательно поговорю с Галасем наедине.

Полковник подумал, что это прозвучало угрожающе, но посмотрев еще раз на Теосю, пришел к выводу, что не всегда слова воплощаются в действие. Как угроза Чехословакии выйти из блока братских стран.

...

Он огляделся вокруг, но не увидел на улице ничего подозрительного. Если бы кто-то наблюдал за домом, то был бы как на ладони. И все же кто-то проник на их территорию, а это не сулило ничего хорошего. Нужно быстро принимать решение. Он обдумал все за и против и пришел к выводу, что есть только одно решение. Нужно как можно скорее прибраться и делать вид, что ничего не произошло. Его агент, который должен был выполнить задание в Яроцине, не только его не выполнил, но и такого натворил, что проблем не оберешься. Нельзя допустить, чтобы этот идиот попал в руки милиции, потому что все сразу станет известно: вся операция и роль, которую играл в ней он и его люди. А тот, кто это видел, по собственной глупости попал в неприятности. Нельзя его отпускать.

Сначала он хотел поговорить с Домагалой, чтобы понять, что случилось, но сейчас был уверен, что это ничего не даст. Что ему может сказать этот торчок? Одно он знал наверняка. Это из-за него начались все проблемы, а хуже всего, что милиционеры неслучайно разговаривали со своим информатором о Рыбаках. Они вышли на след и могли все усложнить. Нужно спешить, решил он. Будет урок на будущее, чтобы не прибегать к услугам наркоманов, потому что они слишком непредсказуемые.

Харон лежал, скорчившись от боли, на полу. Болело все тело. Боль разрывала голову и живот. Однако именно из-за боли он очнулся. Он открыл глаза и боль прошла. Он успокоился. Он ждал того, что должно

было случиться. Он даже был счастлив, потому что знал, что скоро все закончится. Ему было жаль издевавшихся над ним дураков. Они не знали, что делают. Они не знали, с кем имеют дело. Они не знали самого главного, что они помогают ему покинуть это брэнное тело, в котором он оказался случайно здесь, среди людей. Еще недавно он и сам об этом не знал и был обычным парнем, увлеченным греческой мифологией. Это был первый знак, позволивший ему открыть свое настоящее «я». А потом наступил момент истины, весной, на одной вечеринке. Он вколол слишком большую дозу. Он тогда чуть не умер, попал в больницу в критическом состоянии, но его спасли. Совершенно зря, потому что в тот момент он понял, кто он такой на самом деле и каково его предназначение. Он становился настоящим только после очередной дозы. Он делал это все чаще и чаще, потому что только так мог попасть в настоящий мир, а не тот, что окружал его на серых и грязных улицах.

Сейчас, лежа на грязном вонючем полу, залитом кровью и его собственной рвотой, несмотря на боль, он был счастлив, так как сделал открытие, что и без наркотиков он может приблизиться к перерождению. Потеряв сознание, он увидел огромный черный тоннель, который сразу узнал. Он уже видел его раньше. Это был вход в подземное царство, а за ним был Стикс. Туда он должен попасть, там его миссия. Поэтому теперь он ждал, когда избивавший его человек вернется и поможет ему отправиться в путь. Жаль, что этот дурак не знает, какую роль определил для него Харон. Он не знает, что его провели, но чего еще можно ожидать от обычных смертных.

Он услышал шаги и улыбнулся. Они идут своей дорогой. Скоро будут здесь. Вновь примутся за свое.

– Ты меня подвел, а я никогда не прощаю. Если бы ты сделал все, как мы договаривались, не было бы никаких проблем, и ты мог бы и дальше колоться, но увы, оказалось, что ты всего лишь поганый наркоман. Знаешь, Гжибек, я думаю, избавляясь от такого дерьма, мы оказываем услугу обществу.

Гжибек немного неуверенно кивнул головой. Ему не очень нравилось то, что хотел сделать капитан, но он начальник и лучше знает, что делать.

– Ладно, дай сюда свой старый Vis.

Гжибек вынул из кармана незарегистрированный пистолет, когда-то конфискованный у преступника. На всякий случай Галась предпочитал не пользоваться служебным оружием.

Он зарядил пистолет и прицелился в голову лежавшему на полу Домагале. И тогда он заметил, что на кровавом месиве появилась улыбка.

– Подонок! – выкрикнул Галась и нажал на курок.